МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VII (XXI)
Международной научно-практической конференции
молодых учёных
(16–18 апреля 2020 г.)

Выпуск 21

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2020

разъезде» вводится множество голосов, высказывающих свою точку зрения на постановку).

Пока поселянин находится у Врат Закона он остается в сфере человеческого мира, так как привратник является таким же человеком, который, вероятно, не имеет представления о сущности Закона. Пока он не переходит границу Своего, человеческого, Закон ему не доступен. Причем четкая оппозиция, свойственная «Ревизору», снимается, вскрывается односущность сторон, так как оба персонажа оказываются жертвами и палачами друг друга: «Кроме того, хоть он и служит Закону, но служба его ограничена только этим входом, то есть служит он только этому человеку, единственному, для кого предназначен вход» [4. С. 452]. Ставит же их в это положение бытие, находящее воплощение в виде «врат», чтобы проситель просил и ждал, а привратник охранял ворота. Поселянин уподобляется Закону как «работодатель» привратника, а привратник как служитель Закона.

Итак, внесение субстратов других жанров в «Ревизоре» и «Процессе» играет значимую роль введения полярных структур, составляющих основу мирообраза, и демонстрации трагического положения человека, оказывающегося подавляемым надличностными силами.

Литература

1. Манн Ю.В. Встреча в лабиринте: Франц Кафка и Николай Гоголь // Вопросы литературы. М., 1999. № 2. С. 162–186.
2. Гоголь Н.В. Собр. соч. : в 14 т. М. : Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 4. 552 с.
3. Кафка Ф. Три романа: Замок. Процесс. Америка. М. : Эксмо, 2008. 704 с.

DOI: 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-69

ПОВЕСТЬ Н.В. ГОГОЛЯ «СТРАШНАЯ МЕСТЬ» В АСПЕКТЕ АЛХИМИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ВЕЛИКОГО ДЕЛАНИЯ: ЭТАП НИГРЕДО

Барсукова В.О.

Томский государственный университет, студент

N.V.GOGOL'S SHORT STORY «A TERRIBLE VENGEANCE» IN THE ASPECT OF THE ALCHEMICAL CONCEPT OF THE GREAT WORK: NIGREDO PHASE

Barsukova V.O.

Tomsk State University, student

В статье интерпретируется повесть Н.В. Гоголя «Страшная месть» в рамках алхимического дискурса.

Ключевые слова: алхимия, Гоголь, «Страшная месть».

In the article N.V. Gogol's short story «A Terrible Vengeance» is interpreted within the framework of the alchemical discourse.

Key words: alchemy, Gogol, «A Terrible Vengeance».

Научный руководитель: Е.О. Третьяков, канд. филол. наук, доцент ТГУ.

Традиция немецкой романтической литературы, ставшая каналом проникновения в русскую культуру масонской розенкрейцерской традиции, опирающейся на алхимическое учение, не раз отмечается как источник сюжета «Страшной мести». Так, М. Вайскопф указывает на новеллу Л. Тика «Бокал» [1. С. 77]. Алхимическая тема в повести Тика эксплицирована: молодой влюбленный юноша сталкивается с алхимиком, который с помощью ритуала испытывает его еще не окрепшую любовь, и тот проваливает испытание, но после проходит путь становления и в финале воссоединяется с любимой. Отдельные эпизоды новеллы откликнутся в «Страшной мести» в описаниях готического замка, жилища колдуна, и Катерины, появляющейся в розоватом облаке, результате магического действия.

Ю.М. Лотман пишет: «Гоголь тонко почувствовал тот особый, чуждый современному европейскому сознанию, тип построения сюжета, примеры которого мы находим в текстах раннего средневековья. Сущность события объясняется его происхождением <...> если колдун – отдельное человеческое существо, то поведение его бессмысленно и необъяснимо. Но он в отдельности просто не существует: он лишь проявление длящегося греха и наказания преступника Петро» [2. С. 43–44]. Лотман пишет о наличии некоего Первоначала, обосновывающего все действие повести, что соотносится с алхимической идеей о едином источнике, причине всего сущего. В обосновании построения повести говорится о влиянии на жизнь человека длящегося греха, объясняющего трагический разворот сюжета, что соответствует лежащей в основе алхимии идее о нарушении изначальной гармонии, восстановить которую и должен алхимик с помощью последовательного прохождения этапов Великого делания: Нигредо, Альбедо и Рубедо. В «Страшной мести» это первоначало персонифицировано в образе Днепра, описанием которого задается ритм повести, так как оно соотносится с разворачивающимся в главах действием. Днепру соответствует эпитет «серебряный», относящийся к алхимическому представлению о серебре как одной из бытийных основ. При этом в повести доминируют описания Днепра, данные в трагическом модусе, ему сопутствует мотив смерти: так, изменившее первоначальную гармонию грехопадение, приведшее к

необходимости вечной расплаты, причина происходящего в повести, понимается как трагедия, страшная месть мироздания за нарушение его порядка.

Обилие мортальных мотивов в повести позволяет интерпретировать ее в аспекте реализации этапа Нигредо, на котором имеет место процесс растворения субстанций, который иначе называют Бездна. Так, Бездной можно считать провал, в который сбрасывает Петро брата Ивана: «Есть между горами провал, в провале дна никто не видал; сколько от земли до неба, столько до дна того провала» [3. С. 215]. При этом вектор вниз в приведенной цитате неслучайно сопоставляется с вектором вверх: падение может стать и возвышением, что вполне соответствует алхимическому неразличению верха и низа и демонстрирует необходимость смерти для дальнейшего возрождения: так, после этапа Нигредо, на котором вещества разделяются, или «умирают», должен наступить этап Альбедро, которому сопутствует их соединение вновь. Так после разделения у Бездны братья воссоединяются, но брат остается вечно смотреть на мучающегося брата, неспособный обрести небесного царства, пока не положит конец этому наказанию. Духовного единения, необходимого для перехода на следующий этап, не происходит. Братья остаются у Бездны, обреченные на вечное повторение Нигредо. Месть человека человеку, пошатнувшая мироздание, становится причиной мести мира человечеству, обрекающего его на вечные страдания в стремлении достигнуть Абсолюта, что отражается в современном сюжете повести, истории колдуна.

Андрей Белый рассматривает колдуна как чуждую патриархальному роду Диканьки, почти ренессансную личность, этим родом отторгаемую: «колдун, двадцать лет живший в культурном обществе, предельно необъясним для коллектива; его “не то” – “необъяснимость” дикарям поступков личности, может, тронутой Возрождением» [4. С. 67]. Здесь же можно вспомнить об алхимике из «Бокала» Тика, ритуалы которого напоминают сцену с колдуном из «Страшной мести», но если в новелле романтика старик обрисован как таинственный мудрец, то в «Страшной мести» наивное сознание повествователя воспринимает колдуна как грешника, чужеземца, угрожающего традиционному укладу.

Сцена магического ритуала колдуна проникнута алхимической образностью. Горшок – алхимический сосуд, растения – материя, которую преображает алхимик, изменяемые цвет и свет – алхимические реакции, месяц и звезды – аллегории веществ, облако – часть процесса

выпаривания. Персонафикация участвующего в процессе вещества в образе Катерины свидетельствует о возможности прочесть «Страшную месть» метафорически-рецептурально. В повести состояния героев и мира описываются в терминах алхимических рецептов, связанных со стихиями, металлами, борьбой и смертью. Структура эпизода ритуала колдуна, в котором восстанавливается алхимический рецепт, экстраполируется на всю повесть, борьба героев может пониматься как процесс их трансмутации. Одержимость колдуна-алхимика идеей умерщвления свидетельствует о его стремлении завершить стадию Нигредо, так как убийство алхимику значимо как средство достижения последующего возрождения. От Катерины колдун хочет свадьбу – его целью является алхимический брак. Убийство колдуном дочери, а затем и схимника – лишь попытка перевести их на другую стадию, так как и жизнь Катерины, и жизнь схимника представляют собой длящуюся смерть. При этом колдун, убивая, не осознает, что действует согласно алхимическому замыслу, ибо направляем не своей волей, а запущенным процессом бесконечного Нигредо: «Но не от злобы хотелось ему это сделать: нет, сам он не знал, отчего» [3. С. 213]. Проблема же Данило, как и всего казачества, метонимией которого является герой, в том, что он не осознает алхимического нарратива: смерть для него – конец. Возрождение, к которому неосознанно стремится алхимик-колдун, невозможно для Данило. Поэтому, когда он умирает, он умирает окончательно: «Спит козак непробудно» [3. С. 204].

Единство, наблюдающееся в повести в описаниях природы, разрушается в связи с влиянием действий человека на космический баланс, сменяется апокалиптической картиной. Это разрушение связано с проблемой распада связей: борьбой братьев, Петро и Ивана, одиночеством колдуна, отторгнутого коллективом. Изначальная гармония у Гоголя связана с ключевым в алхимии понятием синтеза, который воплощается в воспоминании о лучших временах казачества и который кажется недостижимым в современном грешном мире, что и обуславливает бесконечный процесс распада, или Нигредо.

Литература

1. Вайскопф М. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2002. 686 с.
2. Лотман Ю.М. Из наблюдений над структурными принципами раннего творчества Гоголя // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1970. Вып. 251. С. 17–45.

3. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем : в 23 т. М. : Наука, 2003. Т. 1. 922 с.
4. Белый А. Мастерство Гоголя. М. ; Л. : Гослитиздат, 1934. 324 с.

DOI: 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-70

**ТРАДИЦИИ ФЕЛЬЕТОННОГО РОМАНА В ТВОРЧЕСТВЕ
Е.П. КОВАЛЕВСКОГО И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

Александрова Е.В.

Томский государственный университет, аспирант

**THE TRADITIONS OF FEUILLETON NOVEL IN THE WORKS
OF E.P. KOVALEVSKY AND F.M. DOSTOEVSKY**

Aleksandrova E.V.

Tomsk State University, postgraduate student

В статье рассматривается проблематика и поэтика романа-фельетона Е.П. Ковалевского в контексте традиций русской и зарубежной литературы и его отражение в творчестве Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: роман-фельетон, Ф.М. Достоевский, Е.П. Ковалевский.

The article considers the problems and poetics of the novel-feuilleton by E.P. Kovalevsky in the context of Russian and foreign literature traditions and its reflection in the works of F.M. Dostoevsky.

Key words: feuilleton novel, F.M. Dostoevsky, E.P. Kovalevsky.

Научный руководитель: Э.М. Жиликова, д-р филол. наук, профессор ТГУ.

Рождение фельетонного романа в Европе как жанра художественно-публицистической литературы обусловлено как социально-экономическими, так и общественно-политическими причинами. Историко-социальная проблематика, отражающая дух эпохи Франции в 30–40-е гг. XIX в., коммерческая составляющая сделали роман-фельетон одним из самых популярных жанров своего времени. Влияние зарубежной литературы отразилось на создании русских аналогов, автором одного из которых являлся Е. П. Ковалевский. Современники отмечали в «Петербурге днём и ночью» традиции Э. Сю, проявившиеся в типологических особенностях образной и повествовательной структуры. И в то же время произведение Ковалевского – один из первых в России «опытов оригинального русского романа-фельетона из жизни социальных низов Петербурга» [1. С. 525].

«Умение французских писателей действовать всегда на массу» [2. С. 97] подчёркивал В.Г. Белинский в критическом обзоре «Русская